

Где Вы, настоящий директор Психологического института? Воспоминания о прошлом с надеждой на будущее

I

Целый год я ждал этого счастливого дня. И вот он, наконец, наступил, наступило 5-е октября 1977 года. Именно тогда в НИИ общей педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО) появилась свободная вакансия лаборанта и вице-президент Академии педагогических наук Артур Владимирович Петровский, бывший студент моего покойного отца, позвонил и сказал, что можно приехать на Моховую и подать документы в отдел кадров, оформиться на работу.

На следующий день я приехал в Институт уже как штатный сотрудник, поднялся по широкой застланной ковровой дорожкой лестнице на третий этаж в 14-ю комнату, где располагалась лаборатория «Психологические исследования личности в коллективе». Артур Владимирович Петровский, который был еще и ее руководителем, познакомил меня со всеми ее сотрудниками, которые, правда, уже через час разошлись, так как день был не присутственный. Присутственными днями тогда были вторник и пятница. Именно на эти дни назначались заседания лабораторий, заседания Ученого совета и все другие лабораторные и институтские мероприятия. В понедельник, среду и четверг в институте народу было немного — помимо администрации, по лаборанту в каждой лаборатории и дежурному научному сотруднику. Остальные работали на экспериментальных площадках, в библиотеках или дома.

Надо сказать, что и дежурные научные сотрудники старались свое присутствие минимизировать — приходили попозже, уходили пораньше, но продуктивность действительно научной деятельности НИИ ОПП по сравнению с сегодняшним днем и даже со временами андроповской «принудиловки» была поистине завидной.

Первым делом, оставшись один в лаборатории, я спустился на первый этаж в библиотеку, записался в нее и набрал стопку книг. Энтузиазм мой бил через край — я работаю в психологическом институте среди ученых, и я — будущий ученый! Я, студент-вечерник исторического факультета ленинского пединститута. Как же мне повезло!

Наслаждаясь вседозволенностью, я уселся за стол Петровского, разложил книжки и приготовился максимально быстро познать все премудрости психологической науки, но не тут-то было! Через минуту в дверь постучали и Ида Григорьевна, пожилая и нарочито чопорная дама (как потом оказалось, секретарь-референт директора института), сообщила мне, что меня ждет для разговора директор НИИ ОПП, академик А.А. Смирнов. Вот и начало карьеры!

Я спустился на второй этаж, Ида Григорьевна доложила обо мне, и я вошел в кабинет. Навстречу поднялся пожилой мужчина. Честно говоря, я и сейчас думаю, что именно такими, хотя бы внешне, и должны быть «настоящие» директора академических институтов — интеллигентное лицо, умные добрые

глаза, радушная улыбка. И, главное, было сразу понятно, что несмотря на то что он явно умнее тебя, он к тебе не снизошел, он в тебе заинтересован. Беседа продлилась минут десять. Анатолий Александрович все эти десять минут разговаривал со мной только обо мне — о моем прошлом, о моих мыслях сегодня, о планах на будущее. Я ушел от него обескураженный — зачем ему это? Неужели академику нечем заняться, кроме как беседовать с лаборантом? В растерянности я вышел из кабинета и остановился в приемной. Ида Григорьевна вошла в кабинет и, через минуту выйдя из него, пригласила туда женщину, сидевшую на стуле у входа, потом повернулась ко мне и сказала: «Вот уборщицу новую на работу берем. Сейчас Анатолий Александрович побеседует — и в отдел кадров на оформление».

Целый день я сидел в помещении лаборатории и, как сейчас помню, штудировал учебник «Социальная психология» под редакцией Предвечного и Шерковина. Только один раз я спустился вниз и вышел на крыльцо института покурить и вдруг в начале двора, у ворот я увидел знакомую фигуру — Инна Владимировна Равич-Щербо, мать моего близкого приятеля. Она шла к дверям моего института. Как я был горд!

— Здравствуйте, Инна Владимировна! Вы к нам? Давайте я Вам покажу институт!

Она улыбнулась, кивнула, молча соглашаясь, и я повел ее на экскурсию: вот большая аудитория, вот библиотека, вот памятная доска в фойе, вот на втором этаже малая аудитория и вот, наконец, главное — лаборатории на третьем этаже. Я иду немного впереди по коридору и с видом бывшего сотрудника зачиты-

ваю ей названия лабораторий. Наконец комната 28 и две таблички. На одной название психогенетической лаборатории, а на другой — фамилия и инициалы ее заведующего — И.В. Равич-Щербо. Как же звонко она тогда смеялась!

18.00 — вот и закончился мой первый рабочий день. Но глава из учебника не дочитана и я решил задержаться. Минут через 15 в дверь за целый день второй раз постучали — это опять была Ида Григорьевна.

— Миша, ты о чем думаешь? Сколько тебя может ждать Анатолий Александрович! Иди сейчас же, он в машине.

Ничего не понимая, я быстро сбежал по лестнице — и правда, в черной «Волге», стоявшей у ступеней крыльца, на переднем пассажирском сидении сидел академик Смирнов.

— Садитесь.

Я молча сел на заднее сиденье, недоумевая, зачем я ему понадобился. Машина тронулась. Как ни в чем не бывало, Анатолий Александрович завел со мной разговор об институте, рассказывая историю, давая при этом характеристики, всегда лестные, сотрудникам. Разговор — это громко сказано, по сути дела, это была лекция-монолог, вводный курс, описание истории семьи, ее традиций и правил общежития, адресованный новому ее члену. Дороги я практически не заметил и очнулся, когда машина остановилась на перекрестке улиц Черняховского и Красноармейской, как раз напротив моего дома.

— Ну, до свидания! Вот мы и доехали. — Обернувшись и протянув руку для прощального рукопожатия, сказал Смирнов.

Я вспомнил, что он не спрашивал моего адреса. Совершенно опешив, вышел

на тротуар и глазами проводил машину, свернувшую в Шебашевский проезд (как потом я узнал, именно там и жил Анатолий Александрович). Следующие два дня ситуация повторилась практически в точности.

Как потом оказалось, Анатолий Александрович практически каждый день подвозил на машине до дома кого-то из сотрудников института, живущих недалеко от него.

Не хочу делать никаких выводов, но давайте представим наших сегодняшних директоров... Думаю, дело здесь совсем не в пробках.

II

Кто когда-либо защищал диссертацию, неважно, кандидатскую или докторскую, знает, что не так страшна сама защита, как подготовка к ней — беготня с документами, трепетание перед оппонентами, вылавливание научного руководителя для самой последней правки, организация отзывов на автореферат, подготовка банкета...

День X был объявлен — 1 марта 1983 года — защита моей кандидатской диссертации в НИИ ОПП. При этом на докторском совете. В те времена, в отличие от сегодняшнего дня, советы были докторские и кандидатские. На последних можно было защищать, естественно, только кандидатские диссертации, а на докторских — и кандидатские, и докторские. Это сейчас я понимаю, что мне повезло. На докторском совете, в состав которого входили одни доктора наук, защищаться было легче, чем на кандидатском, в составе которого порой больше половины членов были канди-

даты наук. Если всерьез, то какое дело маститым докторам наук до того, что какой-то N станет кандидатом, а вот пожилым заслуженным кандидатам наук, членам кандидатского совета, нужно было признать этого N, по сути дела, равным себе.

К тому времени директор НИИ ОПП академик В.В. Давыдов был снят со своего поста, да еще наказан по партийной линии. Вместо него директором стал профессор Алексей Михайлович Матюшкин, но Давыдов продолжал быть председателем Ученого совета, на котором мне предстояло защищаться. Именно поэтому в преддверие защиты со всякими бумажками я должен был ходить именно к нему, благо это было недалеко — его лаборатория располагалась в здании НИИ ОПП напротив консерватории. Там же тогда находилась и лаборатория моего шефа — Артура Владимировича Петровского.

Ходил я к Василию Васильевичу не один, так как защищаться 1 марта должен был не только я, но и некто Санжаева (насколько я знаю, сейчас она уже доктор психологических наук и живет где-то на Дальнем Востоке или в Якутске), научным руководителем которой был профессор Шумилин, заведующий кафедрой психологии в Московском областном пединституте им. Н.К. Крупской. Тема ее кандидатской диссертации была как-то напрямую связана с партийным интересом к сельскому хозяйству и касалась психологии молодого тракториста. Дело не в том, что мы с ней ходили к Давыдову парой, держась за руки, а в том, что как бы я ни старался попасть к нему до нее, мне это не удавалось. Я, естественно, не присутствовал при встречах академика Давыдова и Санжаевой,

но как мне рассказывал А.В. Толстых, работавший у Давыдова в лаборатории, эти встречи порой доводили Василия Васильевича до иступления.

— Ну объясните мне, в чем психологическая суть Вашей работы? — Спрашивал Давыдов.

— Я не настолько владею русским языком, — следовал ответ, при том что для диссертантки русский язык был родным.

— Хорошо, — сдерживал себя Давыдов, — но объясните мне, зачем в заключении диссертационного совета Вы приводите цитату из партийных документов объемом больше страницы?

— Мне кажется, Василий Васильевич, что текст партийных документов всегда к месту, — следовал ответ.

Понятно, что когда через полчаса после ухода Санжаевой я приходил к нему с очередной бумажкой, Василий Васильевич был уже в «разогретом» состоянии и я помимо собственной «порции» получал еще и то, что полагалось получить уже покинувшей «поле боя» Санжаевой. Так продолжалось более двух недель.

Наконец наступил день защиты. Накануне я написал и выверил текст заключения Ученого совета и 1 марта в 11 часов утра, как мне было и назначено (а защита должна была состояться в 14.00), я, трясясь, зашел в лабораторию Давыдова. Саша Толстых, находившийся там, кивнул мне, что означало «Санжаева уже была». Давыдов сидел со злым багровым от ярости лицом и, не поднимая на меня глаз, сказал: «Давайте». Я протянул листки заключения. Он по диагонали пробежал их глазами и вдруг сказал: «Если Вы не можете написать нормальное заключение Совета, значит и не сами писали диссертацию. Поэтому к защите я Вас не допущу».

Скорее от страха и безысходности ситуации, чем от чувства справедливости, я тут же ответил: «А за что Вы меня не допустите к защите, Василий Васильевич? За то, что я не так написал Заключение совета, которое должны были писать Вы сами?». Давыдов из багрового мгновенно стал белым, поднял на меня глаза и процедил сквозь зубы: «Ну что ж, защищайтесь. Посмотрим, как это у Вас получится». Полуживой я побежал в главное здание, с ужасом рассказал о произошедшем своему научному руководителю, Артуру Владимировичу Петровскому. Тот молча оглядел меня с головы до ног, усмехнулся и сказал: «Молодец. Главное вовремя».

Как и положено (тогда с этим было строго), в 14.00 началась моя защита. В президиуме Большой аудитории НИИ ОПП сидела стенографистка, ученый секретарь Совета Боркова и Василий Васильевич Давыдов. Сев на свое место, он закрыл глаза и, как все думали, погрузился в сон (почему-то считалось, что он болен сонной болезнью, хотя именно эта история со мной подобный факт для меня поставила под большое сомнение). Сначала ученый секретарь зачитала мое личное дело, потом я выступил с сообщением, и дело, наконец, дошло до вопросов. Давыдов глаз так и не открывал. В зале поднялась рука и Боркова назвала задающего вопрос: «Кандидат психологических наук Алемаскин». Миша Алемаскин, как было известно, планировал защищать докторскую диссертацию в ближайшее время именно на этом же Совете. Он работал в другом институте и специально пришел на мою защиту не в связи с каким-то интересом к диссертации, а презентировать себя.

— В своей работе Вы ссылаетесь на целый ряд отечественных исследователей, которые занимаются проблемами девиантного и делинквентного поведения, но почему-то среди них нет ни одного специалиста — члена данного Диссертационного совета. Это случайность или сознательная позиция?

Не знаю, что можно ответить на подобный вопрос, но тогда я уже открыл рот для этого. И вдруг... Глаза

Василия Васильевича открылись и он сказал:

— Так. Больше вопросов нет? Тогда ученый секретарь, зачитайте отзыв ведущей организации.

На этом закончились презентация Миши Алемаскина и, так и не начавшись, мои ответы на вопросы.

Что это было? То ли Василий Васильевич просто вовремя проснулся, то ли он по каким-то причинам сознательно спас меня. Уверен, спас. Спасибо ему!

М.Ю. Кондратьев,
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО

O True Head of the Psychological Institute, Where Art Thou? Recollections of the Past with Hope for the Future

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education